

Николай Тараканов

Чернобыль: солдаты и генералы

Генерал-майор Тараканов Николай Дмитриевич, кандидат технических наук, руководил операцией по удалению высокорadioактивных элементов из особо опасных зон Чернобыльской АЭС.

* * *

Стоял сентябрь 1986 года. Шел третий месяц моей служебной командировки в Чернобыль. Многие мои близкие товарищи и сослуживцы разъезжались по домам. Как правило, офицеры и генералы более одного, максимум двух месяцев тут не задерживались. А срок пребывания солдат и офицеров, призванных из запаса, был установлен приказом министра обороны в три, а позже — и все шесть месяцев. Меня это угнетало. Я не думаю, что защитная «броня» у солдата гораздо толще и надежнее, чем у нас.

Я дал согласие на продление командировки до трех месяцев, начальство в Москве не возражало. Правда, за минувшие месяцы самочувствие несколько ухудшилось, но военные врачи регулярно брали кровь на анализы, и они не вызывали особых сомнений. Мы постоянно принимали какие-то лекарства.

Практически все, кто работал на АЭС, имели возможность, сами того не зная и не замечая, «нахвататься» радиоактивной дряни выше разумных пределов. Но, прежде чем посылать солдат на всякие работы, офицеры, особенно химики, шли первыми, измеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности, объектов, оборудования и прочее. А разве было возможно все это облучение учесть?

* * *

На одном из заседаний правительственной комиссии, которое проводил ее председатель Ведерников Геннадий Георгиевич, возникла скандальная ситуация. Кто-то из представителей Минсредмаша нашептал ему, что военные дают заниженные уровни радиации в районе насосной станции. Ведерников, не долго думая, поднял начальника оперативной группы Министерства обороны генерал-лейтенанта Чуйко и, как говорят, при всем честном народе «всыпал» ему, причем в резкой форме. Тот, проглотив пилюлю, сразу же после совещания тоже без разбору «всыпал» офицерам, которые лично (ежедневно и по несколько раз) вели замеры в 58 точках АЭС.

В тот же день группа офицеров провела тщательную проверку каждого клочка земли вокруг АЭС. Результаты оставались прежними. И вдруг... Наткнулись на кусок графита, который в тот день свалился с крыши 2-го блока во время дезактивации и светился более чем 200 р/ч.

Картограмма с указанием этой точки была доложена Чуйко, а им, в свою очередь, — Ведерникову. На вечернем заседании Геннадий Георгиевич принес публичные извинения и генералу и офицерам.

Не проходит и недели после этого инцидента, как вновь тот же Ведерников встречает меня и говорит: «Генерал, что это ваши ученые ползают по Полесскому, ищут там радиацию и сеют в народе панику? Лично разберитесь и доложите».

На следующий день мы с капитаном 1-го ранга, кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии СССР Георгием Алексеевичем Кауровым сели в машину и рванули в Полесское. Сразу же направились в исполком, где получили сведения, что по их просьбе офицеры обследовали городской парк в центре Полесского и зафиксировали уровни радиации выше допустимых. Тут же Кауров

взял свой японский наиточнейший прибор и провел лично контрольные замеры. Результаты подтвердились...

В тот же день обо всем этом я доложил Ведерникову, а меня пригласил на собеседование генерал-майор КГБ Липатов. В корректной форме он сказал: «Николай Дмитриевич, нужно срочно принять меры к закрытию утечки информации. Это касается не только Полесского, а вообще всей нашей деятельности по ликвидации последствий чернобыльской аварии, особенно — что касается научных исследований». Я тогда ответил, что не вижу тут никаких секретов.

От кого нужно было таить эти так называемые секреты? Кому это было выгодно? Всем причастным к этой аварии руководителям.

* * *

Как бы то ни было, я искренне уважал председателя правительственной комиссии Г. Г. Ведерникова. Лично мне и многим офицерам импонировало, что он тоже остался в Чернобыле еще на полсрока и работал очень энергично и деловито. На этом посту его сменил Щербина Борис Евдокимович.

Частая смена председателей и всего состава комиссии отрицательно влияла на ход ликвидации последствий трагедии. У каждого председателя были свой стиль и методы работы, свои взгляды на радиационную обстановку и мероприятия по ее снижению, на отношения к людям, оценке их вклада и т. д. Кроме того, ежемесячная замена состава правительственной комиссии не лучшим образом сказывалась и на отношении к ним солдат, сержантов и офицеров, будто они действительно были «слеплены» из другого теста.

* * *

До сих пор не могу понять, почему ни правительственную комиссию, ни химические войска, ни Гражданскую оборону СССР, ни Госкомгидромет, ни Институт имени Курчатова с их маститыми учеными не интересовали особо опасные зоны, куда были выброшены сотни тонн высокорadioактивных материалов в виде графита, тепловыделяющие сборки (ТВС), твеллов, осколков от них и прочего. Тот же академик Велихов не раз зависал на вертолете над аварийным 3-м блоком, и неужто он не видел эту массу? Мыслимо ли, что так долго — с апреля по сентябрь 1986 года — с этих зон ветрами разносилась radioактивно зараженная пыль по белу свету! Radioактивная масса омывалась дождями, испарения, теперь уже зараженные, улетучивались в атмосферу. К тому же продолжал «плеваться» и сам реактор, из которого извергалось немалое количество радионуклидов.

Наверняка многие руководители об этом знали, но радикальных мер не принималось. И как бы ученые-физики из Института имени Курчатова ни доказывали, что уже в мае реактор прекратил выбросы, — это чистейший обман. Последний выброс был зафиксирован радиолокационной станцией где-то в середине августа. Этим занимался лично полковник Богданов Борис Владимирович.

И насколько же странным выглядит заявление председателя Государственного комитета СССР по гидрометеорологии Ю. А. Израэля в газете «Правда» от 17 апреля 1990 года: «...Госкомгидромет СССР совместно с АН СССР и республик, Минздравом СССР и республик, Минобороны, Госагропромом и другими ведомствами уже с первых дней после аварии вел огромную работу по измерениям радиационной обстановки (на площадях 500 тысяч квадратных километров) и более детально измерял плотности загрязнения местности, концентрации radioактивности поверхностных вод и других природных сред по пробам по отдельным изотопам, уделяя особое внимание наиболее долгоживущим изотопам — цезию-137, стронцию-90, плутонию-239 и 240, цезию-134. Все эти данные передавались руководящим органам в

центре и республиках, заинтересованным ведомствам и местным властям для принятия необходимых мер...» Вот уж воистину прямо по пословице — не похвали себя, кто же похвалит.

* * *

Я вполне ответственно заявляю, что основная тяжесть работы по оценке радиационной обстановки, вплоть до взятия десятков тысяч проб грунта, воды, легла на армию. В этих операциях я много раз лично участвовал и руководил этими работами. Результаты исследований докладывались регулярно шифровками в соответствующие инстанции. Наиболее правдивая и полная карта радиационной обстановки была подготовлена нами.

Однажды на заседании комиссии политбюро в Чернобыле, которое проводил Г. Г. Ведерников, а докладчиком на котором по радиационной обстановке во всем регионе был Израэль, я попытался спросить: почему в докладе дана такая радужная обстановка, мы-то её хорошо знали. Получить ответ я так и не сумел.

И, думается, не случайно. Украинская экологическая ассоциация, как сообщил на третьей сессии Верховного Совета СССР депутат Ю. Н. Щербак, объявила накануне четырехлетия чернобыльской трагедии персона нон грата для Киева т.т. Ильина и Израэля, которые подписали 7 мая того самого черного 1986 года свое заключение о том, что вывоз детей из Киева нецелесообразен (Известия, № 117 от 26 апреля 1990 г.).

А мы в городе по просьбе бывшего Предсовмина Украины А. П. Ляшко брали сотни проб грунта, листвы, воды. Эту операцию мы проводили вместе с офицерами, прилетевшими на вертолетах из Чернобыля, и штабом ГО Украины во главе с генерал-лейтенантом Бондарчуком. Также хорошо помню, как были отсняты на фотографическую пленку зеленые листочки каштанов на Крещатике. Проявили пленку, на ней высветились точки радионуклидов. Потом положили эти же листочки в специальную камеру и через месяц вновь их отсняли. Теперь уже листочки были поражены полностью, будто паутина образовалась от тех точек. Когда капитан 1-го ранга Г. А. Кауров показал негативы А. П. Ляшко, тот ахнул...

* * *

16 сентября 1986 года в соответствии с секретной шифровкой за подписью нового начальника оперативной группы МО СССР генерал-лейтенанта Б. А. Плышевского я был вызван на заседание правительственной комиссии. Заседание проходило в рабочем кабинете Б. Е. Щербины, но почему-то в ограниченном составе.

Борис Евдокимович объявил повестку дня и тут же предоставил слово заместителю главного инженера ЧАЭС Самойленко, который обстоятельно доложил о выполненных работах по дезактивации 1-го и 2-го блоков АЭС силами воинов Советской Армии. Затем он перешел к вопросу о состоянии радиоактивного заражения на крышах 3-го блока и трубных площадках главной венттрубы АЭС, где и была сосредоточена большая масса высокорadioактивных материалов. Но конкретно, когда его спрашивали, какие уровни радиации образовались там и какие ориентировочные объемы материалов сосредоточены, он, конечно, не знал и не мог знать. В эти места, так называемые особо опасные зоны АЭС, не ступала нога человека вплоть до сентября месяца. Правда, когда мы уже приступили к операции в этой зоне, то командир отряда спепдозразведки А. С. Юрченко говорил мне, что в одной из зон они были с Г. П. Дмитриевым. Однако картограммы к моменту операции не было.

«Что же вы предлагаете, товарищ Самойленко?» — наконец спросил Щербина, Ответ был незамедлительный: «Просить солдат... Они могут вершить чудеса».

Мы с генерал-лейтенантом Плышевским пошли в атаку на этот явно авантюрный план и его автора. Во-первых, мы настаивали на выполнении всей этой «грязной» работы без участия человека. Коль уж за полгода ни наука, ни промышленность не подготовили надежных средств, так надо с них и спросить.

Во-вторых, как можно привлекать солдат, если никто не знает обстановку в опасных зонах?

Щербина молча выслушал все наши доводы. Потом спросил: «А как медицина?»

Ему ответили, что особой опасности нет и можно привлекать на эти работы армию, но с умом.

Тогда встал Плышевский и сказал, что без приказа министра обороны он выделять солдат не станет. Щербина тихо ответил, что с министром обороны он переговорит лично, но вынужден будет подписать решение правительственной комиссии о привлечении Министерства обороны к этим работам. «Мы пойдем на все».

После этого речь зашла о месте захоронения высокорadioактивных материалов. Однозначно было сказано — сбрасывать только в аварийный реактор. Я пытался убедить, что лучше будет задержать предстоящие работы, но сделать специальные металлические контейнеры с большим коэффициентом ослабления радиации и вертолетами вывозить в соответствующие места захоронения. Предложение было отвергнуто. Говорили и о дефиците времени: поджимали сроки закрытия «саркофага», возможного приезда руководителей партии и государства.

Для проведения эксперимента были отобраны пять офицеров-добровольцев, и утром 17 сентября мы были уже на 3-м блоке. Главной фигурой в эксперименте был военный врач, подполковник, кандидат медицинских наук А. А. Салеев, которого мы облачили в защиту из свинца толщиной 3 миллиметра. С нами были полковник А. А. Кузнецов, подполковник А. Д. Саушкин, Ю. Н. Самойленко, А. С. Юрченко, Г. П. Дмитриев и фотограф В. Шеин. Все мы вышли в зону «Н», где уровни, как потом показали датчики Салеева, составляли 400–600 р/ч. Наш «фантом» был там 1 минуту 13 секунд, а мы — где-то секунд 30, так как не имели защиты (ее просто не имелось).

Был получен точный результат радиоактивного заражения в этой первой зоне, что позволило разработать всю технологию производства работ и вычислить время и дозу одноразового облучения. Физики и химики подсчитали, что примененная нами примитивная защита позволяет ослабить воздействие радиации в 1,6 раза.

(«Как же так?» — не устаю я себе задавать вопрос. Мы будто пришли из каменного века и вынуждены были собирать свинцовые листы и вырезать из них на скорую руку защиту критических органов человека, которого нужно было посылать в особо опасные зоны. К этой свинцовой защите еще добавляли рентгеновские фартуки, щитки из оргстекла для защиты лица, выискивали прорезиненные перчатки и бахилы, добывали с боем респираторы типа «Астра», «Лепесток» и прочее. Мне стыдно, генералу и человеку, потерявшему в этой операции здоровье, говорить о всей примитивности защиты. Главная наша защита состояла в том, что каждому солдату, сержанту или офицеру высчитывалось время работы, вплоть до секунд. И как бы ни говорили и ни судачили злые языки, мы берегли солдата больше, чем себя. Я говорю правду, и только правду, — вновь, в который раз, с больничной койки. Мы не повторили роковых ошибок героев-пожарных, но они могли быть живыми героями, если бы знали счет времени и рентгенам.)

* * *

...Пока мы готовили, проводили и обрабатывали данные эксперимента, неожиданно прилетела специальная комиссия, назначенная первым заместителем и исполнявшим обязанности министра генералом армии П. Г. Лушевым. Это был, по всей вероятности, результат переговоров с ним Щербины. Председателем комиссии был назначен генерал армии И. А. Герасимов, который впервые в самые

тяжелые дни после аварии возглавил оперативную группу МО СССР. Но не в обиду ему и всему Министерству обороны будет сказано, что это был не лучший вариант руководства ликвидацией последствий.

Ведь вместе с Н. И. Рыжковым и Е. К. Лигачевым 2 мая в Чернобыль прилетел начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А. Т. Алтунин. И нужно было с самого начала возложить на него руководство всей операцией по ликвидации последствий аварии от начала и до конца. Штаб ГО СССР и его основные управления следовало бы немедленно передислоцировать в Чернобыль и только придать соответствующее недостающее количество войск. А что получилось? Насколько мне известно, А. Т. Алтунина отстранили ретивые начальники и отправили его в Москву с упреками. К управлению были подключены армейские генералы, порою совершенно некомпетентные. Гражданскую оборону оценили как неподготовленную и недееспособную, технически не вооруженную. Возможно, это и так. А кто в этом виноват? И до сегодняшнего дня, начиная от руководителей страны и кончая председателем сельского Совета народных депутатов, отношение к гражданской обороне безобразное. Нужны закон о гражданской обороне и пересмотр всех функций системы гражданской обороны, усиление готовности сил и средств ее, их мобильности и оснащенности. А то ведь даже в родной армии идет распродажа с молотка техники вместо передачи ее гражданской обороне.

* * *

...И вот прибыла эта самая комиссия Министерства обороны, в составе которой было генералов восемь, в том числе из Генштаба, ГлавПУРа, тыла, химвойск и т. д. Вначале поговорили в кабинете начальника опергруппы. Потом встретились с Щербиной. Позже переоделись и поехали на аэродром в Чернобыль. Часть членов комиссии села на вертолеты и вылетела на осмотр крыш 3-го энергоблока и трубных площадок главной венттрубы АЭС. С воздуха хорошо была видна вся картина, тем более что несколько раз вертолетчики по команде председателя комиссии зависали над крышей 3-го блока и у трубы. Члены комиссии своими глазами посмотрели на эту массу графита, разбросанные целые и разорванные в куски тепловыделяющие сборки с ядерным горючим, твеллы из циркония, железобетонные плиты и прочее.

После облета комиссия вернулась в Чернобыль. Желающих пойти в зону предстоящих работ не нашлось, даже заместитель начхима Советской Армии контр-адмирал В. А. Владимиров и тот не заикнулся.

Все собрались снова на совещание. На нем, в частности, контр-адмирал В. А. Владимиров и предложил утвердить дозу одноразового облучения в период выполнения работ в опасной зоне — 20 бар, то есть 20 рентген. Далее он предложил привлечь моряков с атомных подводных лодок, но это предложение не прошло. А я-то от контр-адмирала Владимирова ожидал большего. Я хорошо знал, что он крупный специалист в области радиационной безопасности — и ему-то теперь, как говорят, карты в руки. АН нет! Тогда, думаю, сейчас он скажет, что кто-то из генералов-химиков будет рекомендован на компетентное руководство всей этой операцией. Тоже не прозвучало.

У меня до сих пор в голове не укладывается: как могло случиться, что в химвойсках не нашлось генерала, руководителя этими работами, и их поручили мне? Более того, в составе оперативной группы МО СССР была образована своя опергруппа от химвойск. А ведь в химвойсках функционирует аж целый институт, где выращены «великие» ученые — от кандидатов наук до академика генерал-лейтенанта А. Кунцевича, специалиста как раз по дезактивации. Куда все они в тот момент подевались?

И вот появилось решение правительственной комиссии № 106 от 19.08.86 из четырех пунктов, подписанное Б. Е. Щербиной.

Первый пункт гласил, что Министерству обороны СССР совместно с администрацией ЧАЭС поручается организовать и выполнить работы по удалению высокорadioактивных источников с крыш 3-го энергоблока и трубных площадок, а последний — научно-практическое руководство возложить на первого заместителя командира Н-ской в/ч генерал-майора Н. Д. Тараканова. Меня лично никто не спросил, тем более я по образованию инженер-механик, а вовсе не химик. Оспаривать решение я не стал, чтобы не посчитали трусом.

После того как генерал армии И. А. Герасимов подвел итоги совещания, утвердил официальные документы, он тут же в присутствии всех членов комиссии по телефону ВЧ связался с исполняющим обязанности министра обороны генералом армии П. Г. Душевым и подробно доложил обстановку. Все присутствовавшие, затаив дыхание, слушали этот разговор. В завершение доклада председатель комиссии сказал, что, кроме воинов, эту работу никто не выполнит. В ответ было дано «добро», и генерал армии Герасимов тут же встал, пожал мне руку и сказал: «Желаю вам успехов, генерал». Больше его я никогда не видел.

В тот же день, 19 сентября пополудни, и началась адская операция в особо опасной зоне 3-го энергоблока. Через полчаса я был на командном пункте, который размещался в 3-м блоке на 5001-й отметке. Уровни радиации в нем были (по ежедневным замерам, проводившимся командиром отряда спецдозразведки А. С. Юрченко) у стенки, примыкающей к 4-му аварийному блоку, 1,0–1,5 р/ч, а у противоположной, примыкающей ко 2-му блоку, — 1,4 р/ч. Так что за две недели ежедневного пребывания на КП до 10 часов можно было с избытком набраться этой проклятой радиации.

Через восемь дней я попросил Плышевского заменить меня, так как почувствовал себя плохо. Борис Алексеевич — мужчина огромного роста — обнял меня и говорит: «Потерпи, Николай Дмитриевич, некем мне тебя заменить...»

* * *

Там же, где и КП, разместились пункты по подгонке самодельных средств защиты весом до 20 килограммов, выдаче и индивидуальных дозиметров, снятию показаний с них после выхода из зоны, учету выполненных работ. Тут же были оборудованы пункт связи, пункт управления телемониторами, где «колдовали» телемеханики во главе с Евгением Васильевичем Голубевым и Петром Васильевичем Швыдко.

Первыми постоянно ходили в зоны разведчики, всякий раз уточняя меняющуюся радиационную обстановку.

Александр Серафимович Юрченко прибыл из Фрунзе, командир отряда дозиметрической разведки; Валерий Михайлович Стародумов прибыл из Свердловска, заместитель командира отряда.

Разведчики-дозиметристы: Геннадий Петрович Дмитриев, Александр Васильевич Голотонов, Сергей Юрьевич Северский, Владислав Александрович Смирнов, Николай Тимофеевич Хромяк, Анатолий Александрович Романцов, Виктор Александрович Лавренко, Анатолий Николаевич Гуреев, Иван Николаевич Ионин, Анатолий Иванович Лапочкин, Виктор Зигмантович Велавичус.

Вот они, герои, разведчики-дозиметристы, подвергавшиеся наибольшей опасности, часто выходя в особо опасные зоны.

* * *

Когда я прибыл на КП, то воины батальона были уже переодеты в защиту и стояли в строю, всего 133 человека. Я поздоровался. Довел официальное распоряжение министра обороны на проведение

операции. В конце своего выступления попросил всех, кто плохо себя чувствует и не уверен в собственных силах, выйти из строя. Строй солдат, сержантов и офицеров не шелохнулся...

Первую пятерку воинов во главе с комбатом майором Бибой я лично инструктировал у телемонитора, на экране которого отчетливо были видны зона работ и все находившиеся в ней высокорadioактивные материалы. Вместе с командиром по команде «Вперед!» вышли в зону сержант Канарейкин, рядовые Дудин, Новожилов, Шанин. На старте офицер запустил секундомер, и началась операция по удалению радиоактивных материалов. Воины работали не более двух минут. За это время, например, майор Биба успел сбросить совковой лопатой около 30 килограммов радиоактивного графита, сержант Канарейкин В. В. с помощью специальных захватов удалил разорванную трубу с ядерным горючим, рядовой Дудин Н. С. сбросил семь кусков смертоносных твеллов, рядовой Новожилов С. А. — то же самое. И так каждый воин выполнял адскую и опасную работу.

Секундомер замер. Зазвучала впервые сирена. Пятерка воинов во главе с комбатом быстро положила шанцевый инструмент в указанное место, мигом покинула зону через отверстие в стене и последовала на командный пункт. Здесь дозиметрист, он же и разведчик Г. П. Дмитриев, вместе с военным врачом снимали показания дозиметра, объявляли персонально каждому полученную дозу облучения и записывали в ведомость учета. Дозы у всей пятерки не превышали 10 рентген. Я очень хорошо помню, что комбат просил меня еще раз пустить его в зону, чтобы добрать свои 25 рентген.

Очередная пятерка в составе Зубарева, Староверова, Гевордяна, Степанова и Рыбакова пошла в зону. И так смена за сменой. В этот день 133 воина-героя убрали более трех тонн высокорadioактивных материалов из зоны «Н».

Ежедневно после завершения работ мы тут же на КП обрабатывали итоги и готовили оперативную сводку, которую я лично докладывал генерал-лейтенанту Б. А. Плышевскому или начальнику штаба генералу Еремин. Зашифрованные сводки тут же отправлялись министру обороны и начальнику ГлавПУРа.

На следующий день работы были продолжены с учетом внесенных коррективов, исходя из приобретенного опыта. Теперь уже стали действовать группами по 6—10 человек. К вечеру второго дня было удалено около семи тонн высокорadioактивных материалов.

Рекорд дня установила группа воинов под руководством политработника майора А. Филиппова, убравшая около полутора тонн опасного материала за свой выход в зону.

Лейтенант С. Музыкин, младший сержант А. Иванов, рядовые Е. Кривцов, В. Белокопытов. Это фамилии воинов, особо отличившихся 22 сентября.

Всего в операции приняли участие более 3 тысяч воинов-добровольцев. Все они, если можно сказать, прошли через мои руки и моих помощников, разведчиков. Многих я лично знал, ставил им задачи, смотрел в глаза и говорил всю правду об опасности работ в особо опасных зонах. Ведь это и был поистине коллективный героизм солдат, сержантов и офицеров. Все они подставляли свое тело, свою жизнь невидимой опасности.

Все солдаты, сержанты и офицеры, участвовавшие в этой операции, достойны наград Родины. Но уже не всем их удастся получить...